25. СУДЪ БОЖІЙ.

Мужикъ привезъ на базаръ рыбы; другой, сторговавшись, купилъ, сколько ему надо было, отдалъ деньги и сталъ брать товаръ. Между тѣмъ, приходили и другіе покупатели, смотрѣли, торговали, но когда этотъ уложилъ рыбу свою и хотѣлъ итти, хозяинъ остановилъ его, требуя денегъ.

— Что–ты, Господь съ тобою, я же тебѣ отдалъ?

— Нѣтъ, неправда, не отдавалъ.

Завязался споръ, народъ столпился; одинъ хочетъ унести рыбу свою, говоря, что отдалъ деньги, вотъ столько–то, и только замѣшкался укладкой; другой не отпускаетъ его, говоритъ: я его денегъ не видалъ.

— Ну, сказалъ покупатель, берешь–ли на душу грѣхъ?

— Беру.

— Побожись глазами!

— Чтобъ у меня глаза лопнули, коли я отъ тебя взялъ деньги, сказалъ тотъ громко, при народѣ, и перекрестился.

Покупатель, не сказавъ ни слова больше, вынулъ и отдалъ ему въ другой разъ деньги и пошелъ. Только что скрылся онъ въ толпѣ, какъ мужичокъ съ рыбой вдругъ сталъ поводить глазами кругомъ, то закрывалъ ихъ, то открывалъ ихъ, то поводилъ по нимъ руками, протиралъ и опять глядѣлъ на Божій свѣтъ — да вдругъ заревѣлъ не своимъ голосомъ: Ослѣпъ я, братцы, ослѣпъ, ни зги не вижу — христа-ради, ищите мужика, съ котораго я дважды деньги взялъ за одну и ту же рыбу — ищите, дайте пасть ему въ ноги!

Народъ ужаснулся; стали оглядываться, иные побѣжали по базару, стали искать и кликать того мужика; но знакомаго ему тутъ никого не случилось, никто не зналъ откуда и кто онъ, и хотя вскорѣ отъ такого случая встревожился весь базаръ, вся площадь, однако его не нашли. Продавецъ рыбы, который облыжно поклялся, плакалъ, звалъ его, просилъ народъ — но

его не нашли, и полиція не могла его розыскать, а тотъ, какъ ослѣпъ, такъ и остался, что зги не видитъ; темно передъ нимъ, какъ въ глухую ночь; ему дали проводника, и съ нимъ–то доѣхалъ онъ домой, въ свою деревню, но доѣхалъ слѣпой. Въ голосъ каялся онъ дома, и своимъ, и народу, но Богъ видѣнья не далъ.

У мужика украли лошадь. Всплакался мой мужичокъ, разорили, говоритъ, въ разоръ, что я стану дѣлать? — Его другіе научили: ступай–де въ сосѣднюю деревню, да поклонись такому–то; это такой человѣкъ, что ужъ краденая лошадь его рукъ не минуетъ. Онъ все знаетъ, и знаетъ, гдѣ ее найти; посули три цѣлковыхъ, и лошадь найдется.

Нечего дѣлать бѣдняку нашему, подумалъ да и пошелъ. — Мудрено теперь будетъ сыскать ее, сказалъ тотъ, надо больно много старанья приложить, да поломавшись еще вволю, сторговался за три цѣлковыхъ да штофъ вина и велѣлъ

приходить черезъ день въ лѣсъ, подлѣ озера, на такое–то мѣсто.

Пришло время, пришелъ мужичокъ, пустившись по глупости своей на такое дѣло. Выходитъ изъ лѣсу и конокрадъ, поздоровавшись, какъ добрый человѣкъ.

— Что, спрашиваетъ мужичокъ, нашелъ лошадку? Гдѣ она, родимая?

— Погоди, что торопишься; лошадь привязана въ лѣсу; давай–ка напередъ выпьемъ магарычи, да подай деньги по уговору.

Выпивъ глоткомъ полуштофъ, разбойникъ зашелъ сзади глупаго мужичка, ударилъ его обухомъ въ голову, снялъ съ него деньги, а самаго стащилъ на озеро, въ камышъ, и пошелъ домой, ровно сдѣлалъ дѣло. Выходитъ, что онъ либо и самъ не зналъ, гдѣ лошадь, либо захотѣлось ему сгубить душу за три цѣлковыхъ.

На другой день, хозяйка пропавшаго безъ–вѣсти мужика приходитъ въ ту деревню, гдѣ жилъ конокрадъ этотъ, освѣдомиться о мужѣ. Тамъ никто его не видалъ, а она стоитъ на своемъ, что

хозяинъ ея, по совѣту добрыхъ людей, пошелъ въ деревню, къ вору Тимоѳею, за лошадью. Дали знать въ судъ, разбирали, допрашивали, слѣдовали — никакого толку не могли добиться и присудили отдать на волю Божью.

Воръ Тимоѳей всегда рыскалъ по воровскимъ дѣламъ своимъ, въ разныхъ деревняхъ, и всюду были у него свои притоны; между прочимъ, у него былъ какой-то близкій родственникъ, такой же мошенникъ, верстахъ въ двадцати, у котораго онъ и съ женою проживалъ по цѣлымъ недѣлямъ. Туда перешелъ онъ и послѣ этого дѣла, покинувъ избу свою запертою. Ребятишки, лазивши по заваленкѣ подъ окнами, да заглядывая туда, пустили слухъ, что у дяди Тимоѳея въ избѣ на полу выступила кровь. Пошелъ говоръ по селенію, вмѣшались другіе мужики и старики, хотѣли побранить ребятишекъ, чтобъ не врали пустяковъ, — однако тѣ стали божиться, что правду говорятъ: у дяди Тимоѳея точно-де на полу выступила кровь. Пошли, заглянули въ

окно, и вся деревня всполошилась; старъ и малъ пошли глядѣть въ окно пустой избы Тимоѳея, гдѣ среди полу стояла лужа крови.

Дали знать въ судъ; пріѣхалъ исправникъ, привезли и Тимоѳея. Увидавъ кровь на полу, каковъ ни былъ онъ заклятый злодѣй, испугался до того, что палъ на землю и сознался въ убійствѣ того мужика; его и нашли, по указанію убійцы, въ камышѣ, на озерѣ; но откуда взялась кровь на полу въ избѣ его, этого онъ не зналъ; и съ тѣмъ и ушелъ на каторгу, что каялся во всѣхъ грѣхахъ своихъ, кого чѣмъ обидѣлъ, что у кого укралъ, сколькихъ лошадей спроваживалъ, а кромѣ этого одного мужика, не сгубилъ никого; и отколя кровь взялась въ пустой избѣ на полу, когда онъ убилъ его въ лѣсу, этого убійца не зналъ, а почиталъ это самъ знаменіемъ и гнѣвомъ Божьимъ, который попуталъ его и выдалъ.